

© О. И. Муравьева, С. А. Литвина, О. В. Кружкова, С. А. Богомаз

DOI: [10.15293/2226-3365.1701.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.05)

УДК 159.9.072.432

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ С ГОРОДОМ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ*

О. И. Муравьева, С. А. Литвина (Томск, Россия), О. В. Кружкова (Екатеринбург, Россия),
С. А. Богомаз (Томск, Россия)

***Проблема и цель.** В статье поднимается проблема структурных особенностей идентичности с городом молодых людей, проживающих в российских городах. Актуальность исследования этой проблемы определяется, прежде всего, возрастанием социальной вариативности в современном обществе, что приводит, с одной стороны, к размыванию традиционной макрогрупповой идентичности, а с другой – к формированию идентичности во вновь возникающих социальных контекстах. Эти изменения отражаются и в проблематике исследований идентичности в социальных науках: в последние десятилетия особенно актуальны исследования идентичности как внутренней самосоздающейся, динамической организации потребностей, убеждений и индивидуальной истории человека в контексте его взаимодействия с окружающей средой. Современные процессы урбанизации и формирования номадических культур обостряют интерес к взаимоотношениям человека и города как социокультурной среды, к проблеме идентификации с городом. Исследования в этой области позволят отвечать на вопросы о психологических основаниях укорененности и мобильности человека в городской среде, его активности, готовности развивать свой город, реализуя в нем свои жизненные планы.*

*Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 15-06-10803 «Психологические факторы средовой самоидентичности»

Муравьева Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии, Национальный Исследовательский Томский государственный университет

E-mail: muravey59@mail.ru

Литвина Светлана Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии, Национальный Исследовательский Томский государственный университет

E-mail: litvina65@mail.ru

Кружкова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и акмеологии, Уральский государственный педагогический университет

E-mail: galiat1@yandex.ru

Богомаз Сергей Александрович – доктор психологических наук, заведующий кафедрой организационной психологии факультета психологии, Национальный Исследовательский Томский государственный университет

E-mail: bogomazsa@mail.ru

Целью нашего исследования было выяснение того, что служит основаниями для идентификации человека с городом его проживания, какова структура идентичности с городом молодежи российских городов в разных регионах страны.

Методология. Для сбора первичных данных был использован опросник «Шкала идентификации с городом» М. Lalli. Для проведения статистического анализа (в программе Statistica 8.0) использовались: дисперсионный анализ Фридмана по критерию Хи-квадрат (для сравнения зависимых переменных), дисперсионный анализ Фишера по F-критерию (для сравнения независимых переменных). Исследование проводилось в 2015–2016 годах, в нем приняли участие 1 762 респондента – молодые люди в возрасте от 17 до 34 лет, проживающие в городах: Барнаул, Владивосток, Екатеринбург, Петропавловск-Камчатский, Санкт-Петербург, Томск.

Результаты. Статистический анализ полученных данных выявил достоверные различия между медианами и средними шкал опросника для всех шести городов. Обнаружено три вида структуры городской идентичности: первый – в Санкт-Петербурге, где наибольший вклад в общую идентичность вносит шкала (параметр) «Внешняя ценность»; второй – в Екатеринбурге, Владивостоке и Томске – здесь наибольший вклад в общую идентичность вносят шкалы «Внешняя ценность» и «Общая привязанность», третий – в Барнауле и Петропавловске-Камчатском, где наибольший вклад в общую идентичность вносят шкалы «Общая привязанность», «Связь с прошлым», «Восприятие близости». Шкала опросника М. Lalli «Целеполагание», отражающая стремление респондентов связать свое будущее с тем городом, в котором они проживают, вносит незначительный вклад в интегральный показатель идентичности во всех городах.

Сравнение выраженности шкал опросника в зависимости от времени проживания показало, что самый большой разброс значений наблюдается по шкале «Целеполагание» в интервале 6–10 лет проживания в городе, что может свидетельствовать о субъективно переживаемом кризисе идентичности с городом. Тем более, что с увеличением времени проживания до 20 и более лет, значения по шкале «Целеполагание» существенно уменьшаются.

В заключение делаются следующие основные выводы: 1) молодые люди из всех городов, принявшие участие в исследовании, воспринимают свой город или с точки зрения внешней привлекательности, или с точки зрения эмоционально-утилитарного отношения – чувства «привычности», родства, безопасности. В то время как представление о развитии города и планирование своего будущего, как тесно связанного с ним, не являются важными основаниями идентификации с городом; 2) период проживания в городе в интервале 6–10 лет является критическим для субъективного переживания идентичности с городом: респонденты, живущие в городе более 10 лет, все больше сомневаются в том, нужно ли связывать с городом свои планы на будущее, и все меньше ожидают, что будущие изменения в городе окажут положительное влияние на их жизнь.

Ключевые слова: идентичность с городом, идентичность с местом, средовая идентичность, городская среда, безопасность, молодежь, целеполагание, ценности.

Постановка проблемы

Один из авторитетных российских социальных психологов Е. П. Белинская в своей статье «Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней?» [16] пишет, что проблематика идентичности является одной из

«болевых точек» как в социальной жизни, так и в пространстве наук о человеке. Основная причина этого, с точки зрения Е. П. Белинской, в том, что в понятии идентичности конституируется, прежде всего, проблема изменчивости/устойчивости личности. «Болевой»

эту тему делает, прежде всего, радикальность и масштабность политических и экономических трансформаций, затрагивающих все без исключения сферы жизнедеятельности человека и обуславливающих высокие темпы социальной динамики, причем не всегда позитивно направленной. Наблюдается возрастание социальной вариативности – возникновение новых групповых норм и ценностей, социальных ролей и видов деятельности, увеличение многообразия способов и принципов организации социальных групп и общностей. В контексте процессов социальной идентификации это приводит, с одной стороны, к размыванию макрогрупповой идентичности, а с другой – к оседанию идентичности во вновь возникающих социальных условиях. Это ставит перед современным человеком задачу личностного и социального самоопределения, нахождения оснований своей идентичности. Поэтому в сегодняшнем «множественном» мире следует говорить не столько о поисках идентичности, сколько о постоянно идущей идентификации, «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельностью, в которую все мы по необходимости или осознанно вовлечены» [15, с. 192]. Об этом в разных научных контекстах говорят такие исследователи, как G. Breakwell [2], F. S. Chapin, C. N. Knapp [3], M. Lewicka [8], B. C. M. Gatersleben, N. Murtagh, W. Abrahamse, [4], E. Van der Werff, L. Steg, K. E. Keizer [13], Г. М. Андреева [14],

Е. П. Белинская [16], С. А. Богомаз, С. А. Литвина, О. И. Муравьева¹ [19], О. В. Лукьянов [18], А. П. Назаретян [20] и др. Все эти обстоятельства изменили и проблематику исследований идентичности в социальных науках (социальной философии, социологии, политологии, истории, экономики, гуманитарной географии и, конечно же, социальной психологии) в последние 15–20 лет. Особенно актуальными становятся исследования идентичности как внутренней самосоздающейся, динамической организации потребностей, убеждений и индивидуальной истории человека в контексте его взаимодействия с окружающей средой. Наряду и даже вместо «классических» видов социальной идентичности – этнической, гендерной, профессиональной – стали изучаться такие «идентичности», как конфессиональная [23], религиозная², национально-государственная [22], корпоративная³, средовая (*environmental identity*) [5; 7; 8; 10; 13; 19], пространственная [17], территориальная⁴, идентичность с местом (*place-identity, settlement identity*) [5; 8; 11], городская идентичность, или идентичность с городом (*city identity, urban-related identity*)⁵ [1; 6; 9; 12]. Выделение множества гораздо более узких видов идентичностей отображает не только логику социальных трансформаций, но и логику становления взгляда на социальную среду как на совокупность условий, которые обеспечивают человеку реальную возможность тех или иных идентификаций. Все, что способно усиливать

¹ Литвина С. А., Муравьева О. И., Богомаз С. А. Ценностные основания идентичности с городом // Психология когнитивных процессов: сборник статей / под ред. В. В. Селиванова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. – С. 130–142.

² Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. – 3-е изд, доп. и перераб. – М.: ИКАР, 2014. – 356 с.

³ Крылов А. Н. Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. – 2-е изд. – М.: ИКАР, 2004. – 226 с.

⁴ Самошкина И. С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. – М., 2008. – 29 с.

⁵ Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2008. – 118 с.

в людях чувства отдельности, самоэффективности, ясности будущего, может быть ассимилировано в их идентичность, указывает G. Breakwell [2]. При этом место, пространство рассматриваются уже не столько как объективные, физические феномены, сколько как психологические; как пространство самоопределения: формирования и прояснения желаний, мотивов, целей, планов и т. д. Как отмечает J. Montgomery [9], концепция места является физической в той же степени, что и психологической. Физические формы, активность и смыслы смешиваются, формируя «ощущение места». Отношение к городской среде складывается из субъективного восприятия города, включает в себя оценку имеющихся в городе ресурсов, представления о нормах и традициях, образе жизни, особенностях коммуникации, являя собой социальный конструкт, который формируется и поддерживается горожанами. Как отмечает С. В. Пирогов, «город – это предмет нашего сознания-о-нём и нашего отношения-к-нему» [21, с. 33]. Исследования показывают, что содержание представлений о городе и отношение к городу раскрываются через ценности, потребности и цели субъектов, адресованных среде. Формулируются идеи среды города как духовного, смыслового пространства, пространства реализации целей [4; 18–19; 21].

Современные процессы урбанизации и формирования номадических культур обостряют интерес к взаимоотношениям человека и города как социокультурной среды, к проблеме идентификации с городом. Является ли город как социокультурная общность той социальной группой, которая может послужить основанием для самоидентификации? Что такое город для человека сегодня? Эти вопросы задаются в фундаментальных и прикладных исследованиях в рамках истории, философии,

социальной экологии, культурологии, урбанистики, архитектуры, а также междисциплинарных исследований. Психологическое изучение проблемы идентификации с городом позволяет получить представление о психологических основаниях укорененности и мобильности человека в городской среде, его активности, готовности развивать свой город, реализуя в нем свои жизненные планы, дает возможность объяснить поведение горожан, найти решение социальных, экономических, демографических вопросов, которые возникают в реальной городской практике.

Целью нашего исследования было выявление особенности структуры идентичности с городом молодёжи российских городов в разных городах страны: Барнаула, Владивостока, Екатеринбурга, Петропавловска-Камчатского, Санкт-Петербурга, Томска. Ставилась задача прояснить, что служит основанием для идентификации с городом проживания: престижность, привлекательность по сравнению с другими городами, или бытийный опыт человека в городе. Какой вклад в идентичность вносят разные факторы: оценка внешней ценности города, родственные чувства по отношению к своему городу, восприятие близости, связи с прошлым, а также представления о том, что собственное будущее тесно связано именно с этим городом. Кроме того, были проанализированы изменения структуры идентичности с городом с увеличением времени проживания человека в нем.

Методология

Для измерения городской идентичности был использован опросник «Шкала идентификации с городом» М. Lalli [6]. Она включает в себя пять семантических блоков – шкал методики: внешняя ценность, общая привязанность, связь с прошлым, восприятие близости, целеполагание. Один из них, по мысли автора,

«Внешняя ценность», содержит вопросы, связанные с отраженными аут-групповыми и ин-групповыми стереотипами, остальные четыре отражают личный опыт бытия в городе, субъективное восприятие человеком среды города, и являются доминирующими в структуре идентичности с городом. Минимально возможный балл по каждой из шкал методики – 0, максимально возможный – 4. Сумма значений по пяти шкалам опросника дает интегральный показатель городской идентичности.

Исследование проводилось в 2015–2016 годах. В нем приняли участие 1 762 респондента в возрасте от 17 до 34 лет, проживающих в российских городах: Барнаул ($n = 61$), Владивосток ($n = 201$), Екатеринбург ($n = 1 197$), Петропавловск-Камчатский ($n = 140$), Санкт-Петербург ($n = 53$), Томск ($n = 110$). Распределение респондентов по возрасту близко к нормальному (рис. 1).

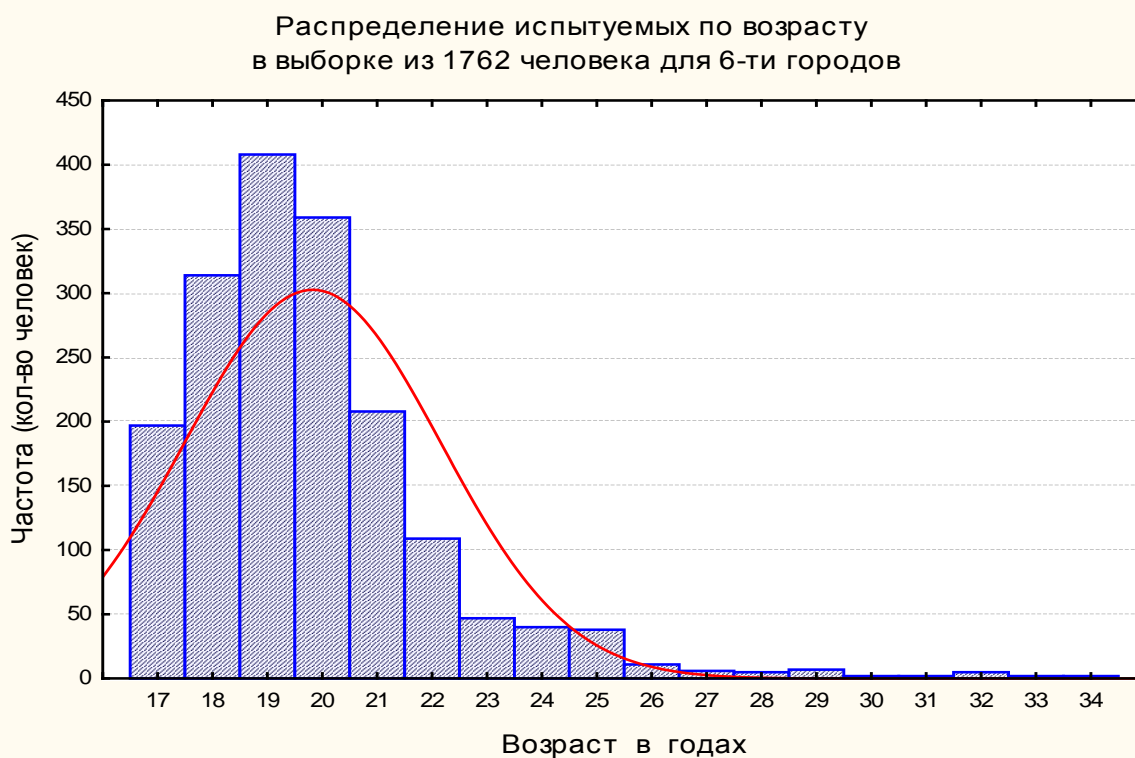

Рис. 1. Распределение респондентов по возрасту в общей выборке

Fig. 1. The distribution of respondents by age in the total sample

Статистический анализ первичных данных производился при помощи программы *Statistica 8.0*, использовались дисперсионный анализ Фридмана по критерию Хи-квадрат (для сравнения зависимых переменных), дисперсионный анализ Фишера по F -критерию (для сравнения независимых переменных).

Результаты исследования

Одной из задач нашего исследования было выявление различий идентичности с городом у респондентов, проживающих в разных городах, а также психологических оснований этой идентичности. Для этого необходимо было сравнить интегральные показатели

городской идентичности у респондентов, проживающих в разных городах, а также определить, какие из шкал опросника М. Lalli вносят наибольший вклад в интегральный показатель идентичности в каждом из шести городов.

Для сравнения уровня выраженности интегрального показателя опросника «Идентификации с городом» в шести городах, а также распределения уровня выраженности значений отдельных шкал опросника в выборке по каждому отдельному городу использовался дисперсионный анализ для зависимых переменных *Friedman ANOVA*. Этот непараметрический метод для сравнения статистических распределений использует Критерий Хи-квадрат. Сравнение проводилось и по средним (*Mn*), и по медианам (*Md*).

Статистический анализ полученных данных показал, что достоверных различий в интегральных показателях городской идентичности в разных городах не обнаружилось. Од-

нако выявились статистически значимые различия в структурных особенностях (конфигурации компонентов) городской идентичности в разных городах. На рис. 2–7 представлены интервальные графики для средних со стандартной ошибкой среднего⁶. Сравнение позиций каждой шкалы методики М. Lalli относительно остальных шкал внутри городской выборки и между городскими выборками покажет нам специфику структуры городской идентичности молодежи российских городов.

В Санкт-Петербурге (рис. 2) наиболее высокие значения, статистически значимо ($p = 0,01$) отличающиеся от всех остальных шкал, получены по шкале «Внешняя ценность» ($Mn = 3,4$; $Md = 4,0$). Между другими шкалами статистически значимых различий не наблюдается: «Общая привязанность» ($Mn = 2,9$; $Md = 2,8$), «Связь с прошлым» ($Mn = 2,8$; $Md = 3,0$), «Восприятие близости» ($Mn = 2,8$; $Md = 2,8$), «Целеполагание» ($Mn = 2,8$; $Md = 2,8$).

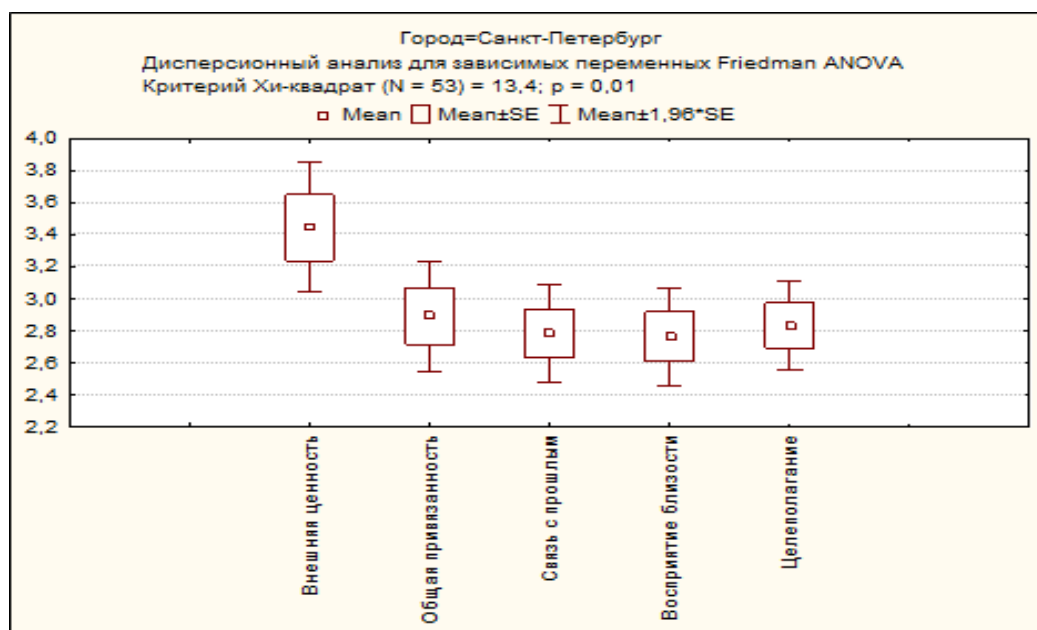

Рис. 2. Значения шкал опросника «Шкала идентификации с городом» М. Lalli в выборке респондентов Санкт-Петербурга

Fig. 2. The values of the subscales of the M. Lalli Urban Identity Scale in the Saint Petersburg sample

⁶ Интервальные графики для медиан не приводятся в связи с ограниченностью объема публикации.

В Екатеринбурге (рис. 3) также наиболее высокими оказались значения по шкале «Внешняя ценность» ($Mn = 3,7$; $Md = 3,8$), далее значимо ниже, чем «Внешняя ценность», но значимо выше остальных шкал выражен показатель шкалы «Общей привязанности» ($Mn = 3,5$; $Md = 3,5$). Значимо ниже всех шкал

значения параметра «Связь с прошлым» ($Mn = 3,0$; $Md = 3,0$). Различия между шкалами статистически достоверны на уровне $p = 0,00001$. Шкалы «Восприятие близости» ($Mn = 2,8$; $Md = 2,8$) и «Целеполагание» ($Mn = 2,8$; $Md = 2,8$) в выборке Екатеринбурга статистически не различаются.

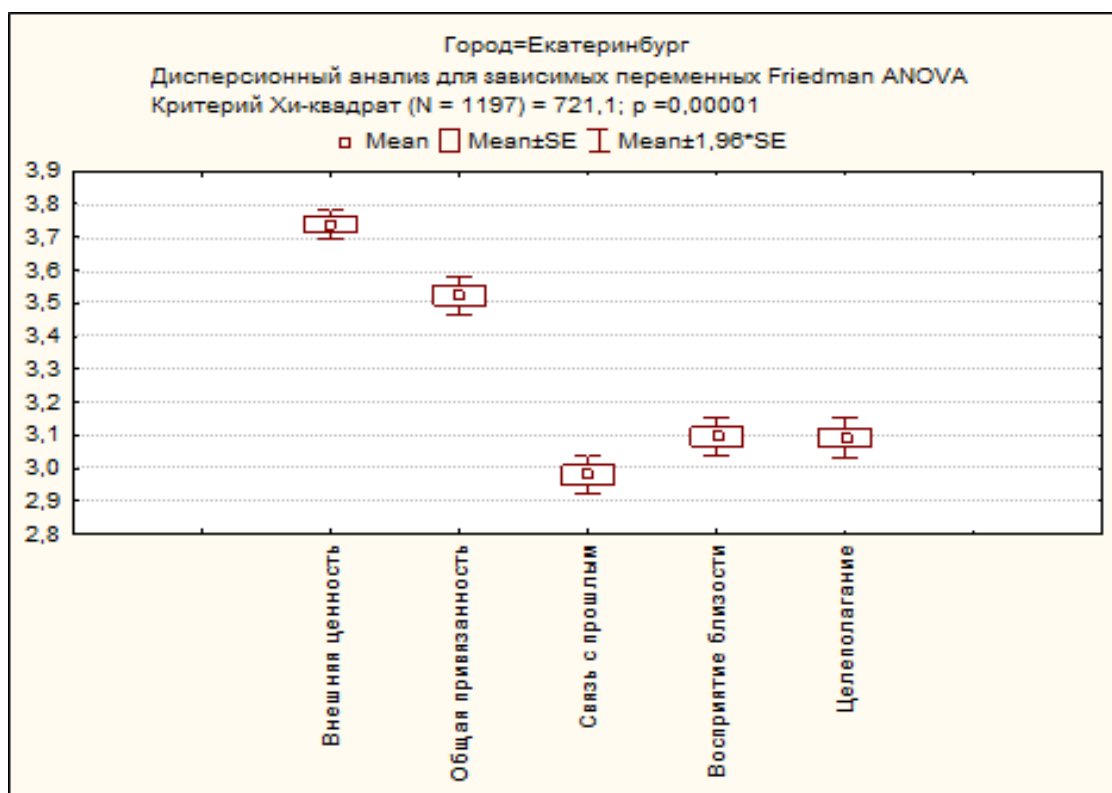

Рис. 3. Значения шкал опросника «Шкала идентификации с городом» М. Lalli в выборке респондентов Екатеринбурга

Fig. 3. The values of the subscales of the M. Lalli Urban Identity Scale in the Yekaterinburg sample

В выборке Владивостока (рис. 4) самыми высокими оказались значения по шкалам «Внешняя ценность» ($Mn = 3,6$; $Md = 3,8$) и «Общая привязанность» ($Mn = 3,5$; $Md = 3,5$), самые низкие по шкале «Связь с прошлым» ($Mn = 2,7$; $Md = 2,8$). Различия достоверны на

уровне $p = 0,00001$. При этом значения первых двух шкал статистически не различаются между собой. Также не выявлено различий между шкалами «Восприятие близости» ($Mn = 2,9$; $Md = 3,0$) и «Целеполагание» ($Mn = 2,9$; $Md = 3,0$).

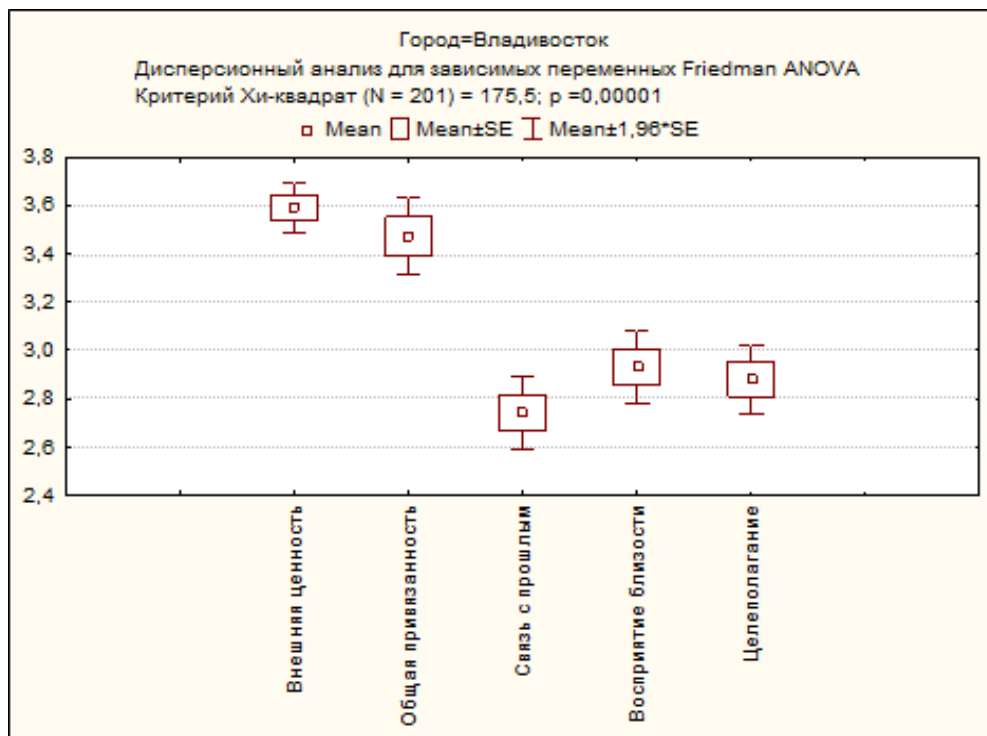

Рис. 4. Значения шкал опросника «Шкала идентификации с городом» М. Lalli в выборке респондентов Владивостока

Fig. 4. The values of the subscales of the M. Lalli Urban Identity Scale in the Vladivostok sample

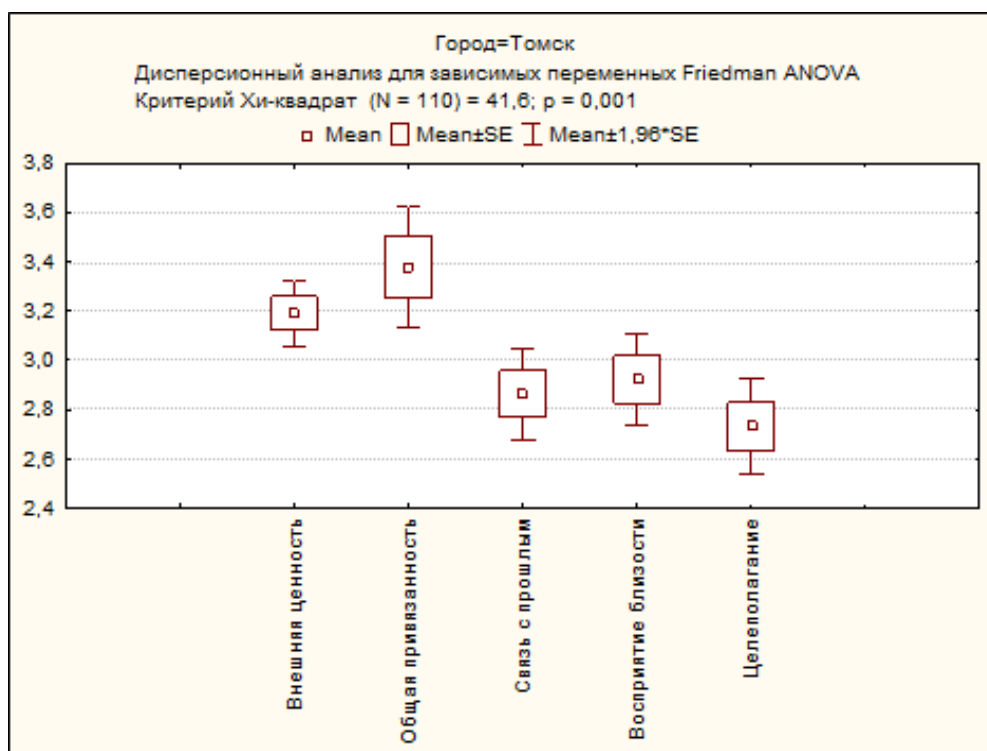

Рис. 5. Значения шкал опросника «Шкала идентификации с городом» М. Lalli в выборке респондентов Томска

Fig. 5. The values of the subscales of the M. Lalli Urban Identity Scale in the Tomsk sample

В Томске (рис. 5) самыми высокими получились значения по шкале «Общая привязанность» ($Mn = 3,4$; $Md = 3,8$). Значимо ниже – по шкале «Внешняя ценность» ($Mn = 3,2$; $Md = 3,3$), при этом в выборке по Томску, в отличие от всех остальных городов, никто из респондентов не поставил минимальный балл по этой шкале. Еще менее выражены (статистически достоверно) значения по шкалам «Связь с прошлым» ($Mn = 2,9$; $Md = 3,0$) и «Восприятие близости» ($Mn = 2,9$; $Md = 3,0$), при этом между собой эти шкалы статистически не различаются. Самыми низкими оказались показатели по шкале «Целеполагание» ($Mn = 2,7$;

$Md = 2,8$). Различия значимы на уровне $p = 0,001$.

В Барнауле (рис. 6) самыми высокими оказались значения по шкале «Общая привязанность» ($Mn = 3,6$; $Md = 3,8$), самыми низкими – по шкалам «Внешняя ценность» ($Mn = 2,6$; $Md = 2,5$) и «Целеполагание» ($Mn = 2,7$; $Md = 2,5$). Различия между шкалой «Общая привязанность», с одной стороны, и шкалами «Внешняя ценность» и «Целеполагание», с другой, статистически значимы на уровне $p = 0,0001$. Значения шкал «Связь с прошлым» и «Восприятие близости», занимая среднее положение, не обнаружили, однако, статистических различий с другими шкалами.

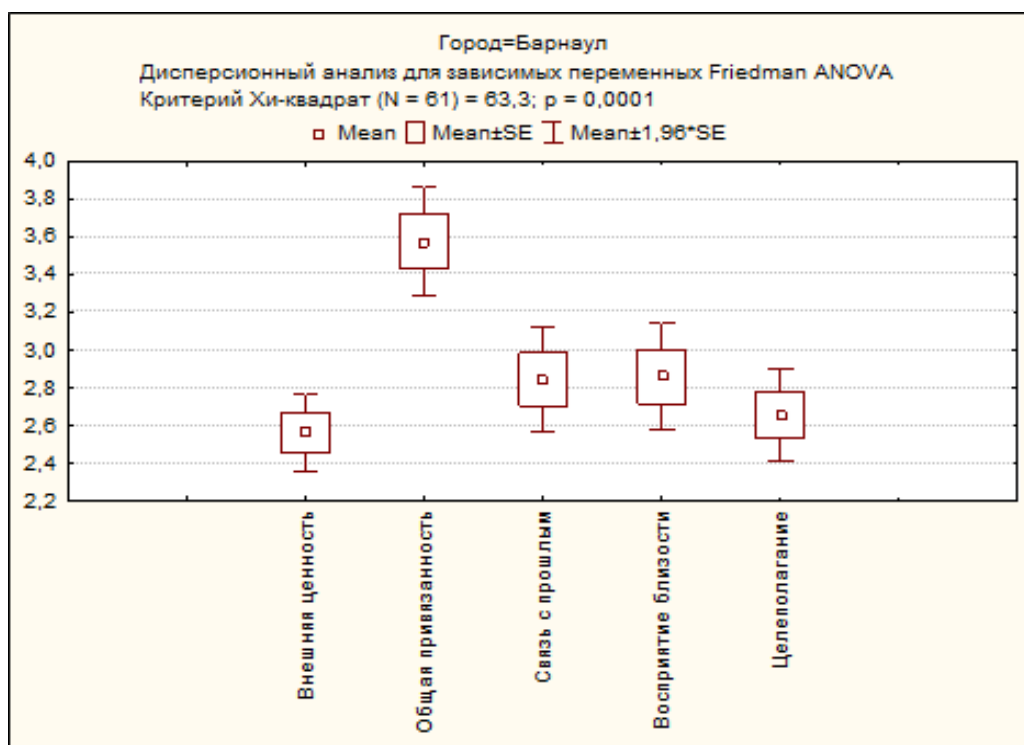

Рис. 6. Значения шкал опросника «Шкала идентификации с городом» М. Lalli в выборке респондентов Барнаула

Fig. 6. The values of the subscales of the M. Lalli Urban Identity Scale in the Barnaul sample

В Петропавловске-Камчатском (рис. 7) соотношение шкал опросника М. Lalli в целом похоже на выборку по Барнаулу, т. е. самые высокие значения принимает шкала «Общей привязанности» ($Mn = 3,4$; $Md = 3,5$), самые низкие – шкалы «Внешняя ценность»

($Mn = 2,7$; $Md = 2,5$) и «Целеполагание» ($Mn = 2,7$; $Md = 2,8$). Различия между значениями шкалы «Общая привязанность», с одной стороны, и шкалы «Внешняя ценность» и «Целеполагание», с другой, статистически достоверны на уровне $p = 0,0001$. Значения шкал

«Связь с прошлым» ($Mn = 2,8$; $Md = 2,8$) и «Восприятие близости» ($Mn = 2,9$; $Md = 2,8$), занимают среднее положение, не обнаруживая

при этом статистических различий с другими шкалами.

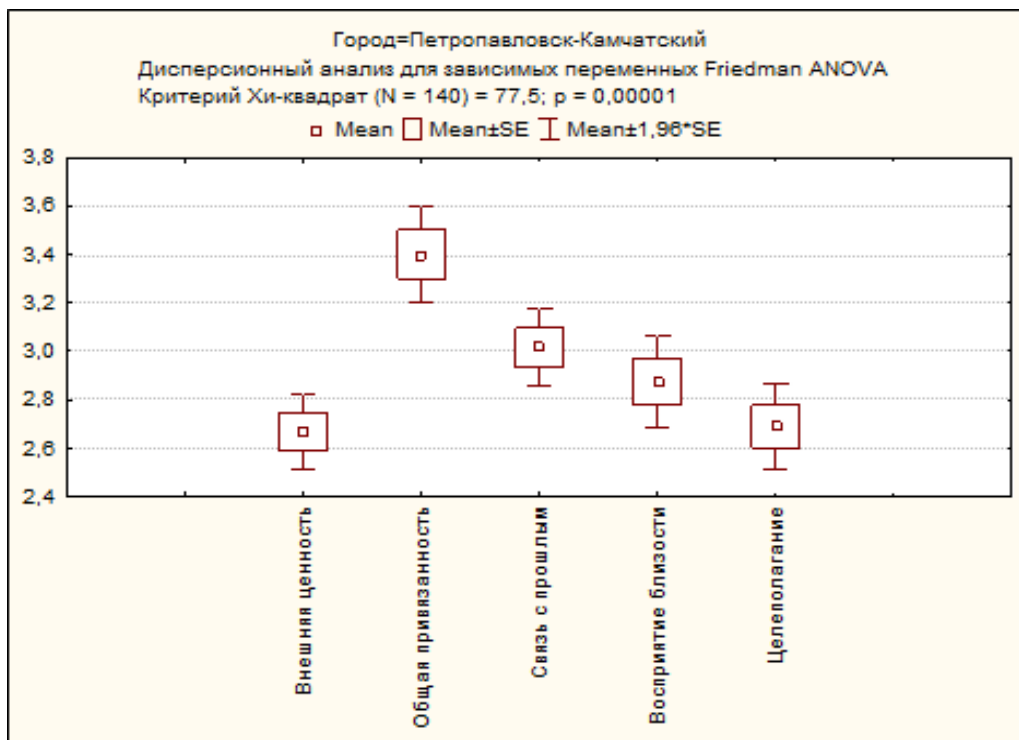

Рис. 7. Значения шкал опросника «Шкала идентификации с городом» М. Lalli в выборке респондентов Петропавловска-Камчатского

Fig. 7. The values of the subscales of the M. Lalli Urban Identity Scale in the Petropavlovsk-Kamchatsky sample

Проанализируем и обсудим полученные данные. Сначала обратимся к той тенденции, которую показывает шкала «Внешняя ценность». Можно видеть, что наибольший вклад в интегральный показатель идентичности с городом эта шкала вносит в таких городах, как Санкт-Петербург, Екатеринбург и Владивосток, наименьший – в Барнауле и Петропавловске-Камчатском. Томск занимает промежуточное положение. С нашей точки зрения, этот результат можно объяснить особенностями самого города. А именно, Санкт-Петербург называют второй столицей России, Екатеринбург и Владивосток фактически являются региональными столицами, тогда как города Барнаул и Петропавловск-Камчатский

скорее можно отнести к провинциальным городам. Особое место в этом ряду занимает город Томск. По своему социально-экономическому положению и количеству жителей его скорее можно отнести к провинциальным городам, однако, он обладает богатой историей, культурными, научными и образовательными традициями. Достаточно отметить хотя бы тот факт, что при численности населения Томска в полмиллиона человек, город имеет пять крупнейших вузов, причем два из них – Государственный университет и Политехнический университет – входят в топ-10 вузов страны. И это, безусловно, является особенно привлекательным именно для молодежи, стремящейся получить достойное образование. Таким образом,

можно сделать следующий общий вывод: чем в большей степени город обладает признаками культурного, в широком смысле этого слова, центра, тем больший вклад в общую идентичность с городом вносит параметр внешней ценности. Полученные нами результаты в целом отражают реальную демографическую и миграционную ситуацию в стране: диспропорции культурного и социально-экономического благополучия между столичными и провинциальными городами приводят к тому, что происходит отток жителей сначала из малых городов в большие, а из больших – в мегаполисы.

Обратимся теперь к результатам, полученным по тем шкалам, которые доминируют в структуре идентичности с городом и отражают субъективное восприятие человеком среды города и личный опыт бытия в нем: общая привязанность, связь с прошлым, восприятие близости, целеполагание. Можно видеть следующую тенденцию: почти во всех городах, вошедших в нашу выборку, наибольший вклад в интегральный показатель идентичности с городом вносит шкала «Общей привязанности», наименьший – шкала «Целеполагание». Каков же опыт бытия молодых людей в городе демонстрируют полученные результаты? Идентичность с городом молодежи скорее основывается не на свободном и аутентичном переживании близости, эмоциональной связи с городом, приверженности ему, но именно на привязанности к городу. Можно сказать, что жители всех городов, принявшие участие в исследовании, воспринимают свой город или с точки зрения внешней привлекательности, или с точки зрения эмоционально-утилитарного отношения: чувства «привычности», родства, безопасности. В то время как представление о развитии города и планирование своего будущего как тесно связанного с

ним, осуществление жизненных целей в городе проживания не являются важным основанием идентификации с городом. Город воспринимается как «своя среда», пусть даже и субъективно бесперспективная, если с ней многое связывает, она хорошо знакома и позволяет чувствовать себя «по-настоящему дома».

Далее рассмотрим взаимосвязь идентичности с городом и времени проживания в нем. Для проверки отличий в значениях шкал «Идентификации с городом» в зависимости от длительности проживания также применялся дисперсионный анализ (*ANOVA*) с использованием *F*-критерия. Предварительный корреляционный анализ не выявил статистически значимых связей между количественной шкалой длительности проживания в городе и шкалами идентичности, поэтому для всей выборки независимо от города проживания была создана номинальная шкала интервалов длительности проживания:

- от 3 месяцев до 1 года (237 человек, 13 %);
- 2–5 лет (619 человек, 35 %);
- 6–10 лет (81 человек, 5 %);
- 11–20 лет (617 человек, 35 %);
- более 20 лет (208 человек, 12 %).

Именно такие интервалы были выбраны с тем, чтобы распределение количества наблюдений по каждому интервалу оказалось относительно равномерным. При этом разница в длительности самих интервалов не была бы слишком значительной или слишком малой. Проведенный анализ для отдельных городов не выявил никаких статистически значимых отличий от тех результатов, которые характеризуют всю выборку, поэтому приведем результаты дисперсионного анализа с использованием *F*-критерия Фишера по всей выборке (табл. 1).

Таблица 1

**Значения средних и медиан по шкалам методики «Шкала идентификации с городом»
M. Lalli в зависимости от времени проживания в городе респондентов (N = 1 762)**

Table 1

The means and medians for the M. Lalli Urban Identity Scale parameters depending on the respondents' time of residence in the city (N = 1 762)

Период проживания	3 мес. – 1 год			2–5 лет			6–10 лет			11–20 лет			более 20 лет			F-критерий	p (уровень значимости)
	среднее	медиана	стандартное отклонение	среднее	медиана	стандартное отклонение	среднее	медиана	стандартное отклонение	среднее	медиана	стандартное отклонение	среднее	медиана	стандартное отклонение		
Шкалы опросника M. Lalli																	
Внешняя ценность	3,6	3,8	0,84	3,6	3,8	0,89	3,6	3,8	0,90	3,6	3,8	0,90	3,2	3,3	0,98	9,6	0,000001
Общая привязанность	3,1	3,0	1,13	3,3	3,3	1,06	3,8	4,0	1,06	3,8	4,0	1,06	3,7	4,0	1,08	32,5	0,00001
Связь с прошлым	2,4	2,3	1,05	2,7	2,8	1,00	3,3	3,3	0,98	3,3	3,3	0,98	3,2	3,3	0,95	45,4	0,00001
Восприятие близости	2,8	3,0	1,03	3,0	3,0	1,00	3,2	3,3	1,06	3,2	3,3	1,06	3,1	3,3	1,03	6,4	0,00004
Целеполагание	3,0	3,3	1,05	3,1	3,3	1,03	2,9	3,0	1,05	2,9	3,0	1,05	2,9	3,0	1,01	3,3	0,009

По шкале «Внешняя ценность» самые низкие значения оказались в интервале длительности проживания более 20 лет (F -критерий = 9,6; $p = 0,000001$), а для остальных интервалов по данной шкале различий не наблюдается. По шкалам «Общая привязанность», «Связь с прошлым» и «Восприятие близости» наблюдается схожая картина – рост значений в зависимости от длительности проживания, при этом после 20 лет проживания, рост общей привязанности прекращается. F -критерий и уровень значимости различий в зависимости от периода проживания таков: для шкалы «Общая привязанность» F -критерий = 32,5; $p = 0,00001$, для шкалы «Связь с прошлым» F -критерий = 45,4; $p = 0,00001$, для шкалы «Восприятие близости» F -критерий = 6,4; $p = 0,00004$.

Наиболее важными и интересными результатами этой части исследования нам показались те, которые касаются выраженности показателей шкалы «Целеполагание» в зависимости от времени проживания. По этому компоненту идентичности приведем интервальный график (рис. 8).

Из рисунка явно видно, что в первые годы проживания значения несколько возрастают, достигая максимума в периоде 2–5 лет, а потом, с увеличением времени проживания до 20 и более лет, эти значения существенно уменьшаются. Можно утверждать, что респонденты, живущие в городе более 10 лет, все меньше и меньше ожидают, что будущие изменения в городе окажут положительное влияние на их жизнь, и меньше убеждены, что хотели бы остаться в этом городе и связать с ним свои планы на будущее.

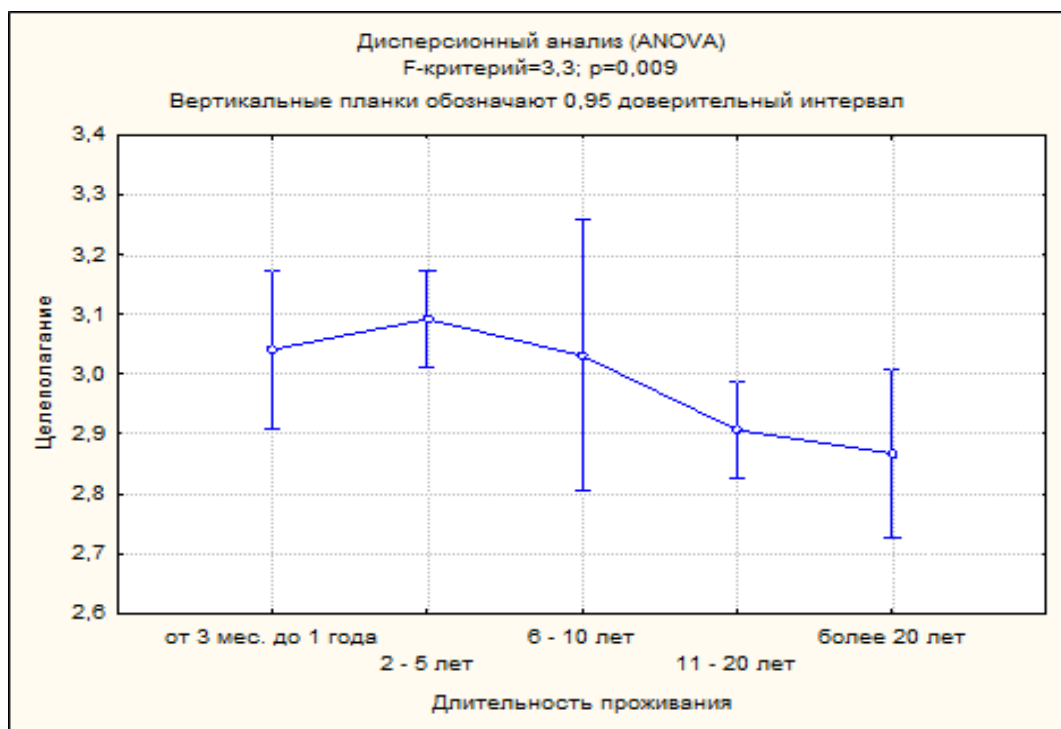

Рис. 8. Значения шкалы «Целеполагание» опросника «Шкала идентификации с городом» М. Lalli в общей выборке респондентов ($N = 1\ 762$) в зависимости от периода проживания в городе

Fig. 8. The means and medians for commitment (M. Lalli's Urban Identity Scale) depending on the respondents' time of residence in the city ($N = 1\ 762$)

Зафиксируем еще одну особенность: в «серединном» интервале проживания – 6–10 лет – наблюдается самый большой разброс значений (по сути, неуверенность и/или разнородность ответов). Заметим, что и по другим шкалам опросника разброс значений в этом периоде проживания существенно больше по сравнению с другими. Видимо, в этот период происходит кризис идентификации с городом, переоценка своего отношения к нему, своего места в нем, принимается решение о том, оставаться ли жить в этом городе. Можно предположить, что во многом это связано с окончанием обучения в вузе, началом профессиональной карьеры и нормативным кризисом профессионального становления: трудностью

удовлетворения потребности в профессиональном росте и самоутверждении, критикой своих прежних выборов, стремлением «начать все сначала»⁷.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно констатировать, что получены новые научные факты, отражающие особенности структуры идентичности с городом молодежи в разных городах России: Санкт-Петербург, Екатеринбург, Владивосток, Томск, Барнаул, Петропавловск-Камчатский:

1. Чем в большей степени российский город обладает характеристиками культурного – исторического, научного и образова-

⁷ Сыманюк Э. Э. Психологические особенности кризисов профессионального становления личности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 1999.

тельного – центра, тем больший вклад в интегральный показатель идентичности с городом вносит такой компонент, как внешняя привлекательность и ценность города.

2. В «нестоличных» городах идентификация с городом в целом происходит на эмоционально-утилитарных основаниях. В первую очередь, через привязанность к городу на основе «привычности», родства, безопасности, и в гораздо меньшей степени через аутентичное переживание связи и близости с ним.

3. Параметр целеполагания, отражающий стремление респондентов связать свое будущее с тем городом, в котором они проживают, вносит незначительный вклад в интегральный показатель идентичности во всех городах.

4. Период проживания в городе в интервале 6–10 лет является критическим для субъективного переживания идентичности с городом, характеризуясь значительным разбросом (дисперсией) результатов по всем компонентам городской идентичности. Кроме этого, с увеличением времени проживания от 6–10 лет до 20 и более лет, показатели целеполагания существенно уменьшаются. Можно утверждать, что респонденты, живущие в городе более 10 лет, все больше сомневаются в том, нужно ли связывать с городом свои планы на будущее, и все меньше ожидают, что будущие изменения в городе окажут положительное влияние на их жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bernardo F., Palma-Oliveira J-M.** Urban neighbourhoods and intergroup relations: The importance of place identity // *Journal of Environmental Psychology*. – 2016. – Vol. 45. – P. 239–251. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.01.010>
2. **Breakwell G. M.** Social representations and social identity // *Papers on Social Representations*. – 1993. – Vol. 2 (1) – P. 44–47.
3. **Chapin F. S., Knapp C. N.** Sense of place: A process for identifying and negotiating potentially contested visions of sustainability // *Environmental Science and Policy*. – 2015. – Vol. 53. – P. 38–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsci.2015.04.01>
4. **Gatersleben B. C. M., Murtagh N., Abrahamse W.** Values, identity and pro-environmental behavior // *Contemporary Social Science: Journal of the Academy of Social Sciences*. – 2014. – Vol. 9. – P. 374–392. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/21582041.2012.682086>
5. **Kashima Y., Paladino A., Margetts E. A.** Environmentalist identity and environmental striving // *Journal of Environmental Psychology*. – 2014. – Vol. 38. – P. 64–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2013.12.014>
6. **Lalli M.** Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // *Journal of Environmental Psychology*. – 1992. – Vol. 12 (4). – P. 285–303. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7)
7. **Larson S., De Freitas D. M., Hicks C. C.** Sense of place as a determinant of people's attitudes towards the environment: Implications for natural resources management and planning in the Great Barrier Reef, Australia // *Journal of Environmental Management*. – 2013. – Vol. 117. – P. 226–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvman.2012.11.035>
8. **Lewicka M.** Place attachment: How far have we come in the last 40 years? // *Journal of Environmental Psychology*. – 2011. – Vol. 31. – P. 207–230. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.10.001>

9. **Montgomery J.** Making a City: Urbanity, Vitality and Urban Design // Journal of Urban Design. – 1998. – Vol. 3 (1). – P. 93–116. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13574809808724418>
10. **Steg L., Bolderdijk J. W., Keizer K., Perlaviciute G.** An Integrated Framework for Encouraging Pro-environmental Behaviour: The role of values, situational factors and goals // Journal of Environmental Psychology. – 2014. – Vol. 38. – P. 104–115. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.01.002>
11. **Ujanga N., Zakariya K.** The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration // Procedia – social and behavioral sciences. – 2015. – Vol. 170. – P. 709–717. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.073>
12. **Valera S., Guardia J.** Urban social identity and sustainability. Barcelona's olympic village // Environment and behavior. – 2002. – Vol. 34. – P. 81–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0013916502034001004>
13. **Van der Werff E., Steg L., Keizer K. E.** The value of environmental self-identity: the relationship between biospheric values, environmental self-identity and environmental preferences, intentions and behavior // Journal of Environmental Psychology. – 2013. – Vol. 34. – P. 55–63. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2012.12.006>
14. **Андреева Г. М.** К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. – 2011. – Т. 6, № 20. – С. 1.
15. **Бауман З.** Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
16. **Белинская Е. П.** Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 12.
17. **Кувенева Т. Н., Манаков А. Г.** Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 77–84.
18. **Лукьянов О. В.** Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 212 с.
19. **Муравьева О. И., Литвина С. А., Богомаз С. А.** Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. – 2015. – № 58. – С. 136–148. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/17267080/58/10>
20. **Назаретян А. П.** Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 256 с.
21. **Пирогов С. В.** Город как феномен культуры. Когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 31–37.
22. **Токарев А. С.** Национально-государственная идентичность как составляющая государственного суверенитета // Социально-политические науки. – 2012. – № 1. – С. 78–80.
23. **Федосова Е. В.** Конфессиональная идентичность и религиозные установки молодежи Северной Осетии: взгляд социолога // Известия СОИГСИ. – Выпуск 9 (48). – 2013. – С. 86–91.

DOI: [10.15293/2226-3365.1701.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.05)

Olga I. Muravyova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology of Personality, Department of Psychology, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-7623-7456>

E-mail: muravey59@mail.ru

Svetlana A. Litvina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Organizational Psychology, Department of Psychology, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-5200-9937>

E-mail: litvina65@mail.ru

Olga V. Kruzhkova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Philosophy Department of Occupational, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-2569-8789>

E-mail: galiat1@yandex.ru

Sergey A. Bogomaz, Doctor of Psychological Sciences, Head of the Department of Organizational Psychology, Department of Psychology, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-8955-5621>

E-mail: bogomazsa@mail.ru

RUSSIAN YOUNG CITY-DWELLERS: STRUCTURAL FEATURES OF URBAN IDENTITY

Abstract

Introduction. *The article focuses on the problem of structural features of urban-related identity of young people living in Russian cities. The relevance of studying these issues is determined, above all, by increasing social variations in the modern society that lead, on the one hand, to erosion of the traditional macrogroup identity and formation of identity in newly emerging social contexts, on the other hand. These changes are reflected in the research issues of identity in social sciences, i.e. over the recent decades there has been a particular interest in studies of identity as an internal self-generating dynamic organization of needs, beliefs and individual history of a person in the context of his/her interaction with the environment. Urbanization processes and formation of nomadic cultures heighten the interest in the relationship of man and the city as a social and cultural environment, in the problem of identification with the city. Research in this area will allow answering the questions about the psychological basis of one's rootedness and mobility in the urban environment, one's activity and readiness for developing the city with implementing one's life plans there.*

The aim of our study was to clarify what serves as the basis for identification of people with their city of residence, what is the structure of urban-related identity in youth of Russian cities in different regions of the country.

Materials and Methods. *For collecting primary data M. Lalli's Urban Identity Scale was used. The data collected were statistically treated using the Statistica 8.0 software, namely the Friedman ANOVA with the chi-square (for dependent variables) and the Fisher F-test (for independent variables). The study was conducted in 2015-2016 with 1762 participants who were young people aged from 17 to 34 and living in the following cities: Barnaul, Petropavlovsk-Kamchatsky, Saint Petersburg, Tomsk, Vladivostok, and Yekaterinburg.*

Results. Statistical analysis of the collected data revealed significant differences between the medians and means of the questionnaire subscales for the six cities. Three types of the structure of urban-related identity have been found: the first one was connected with Saint Petersburg, where the largest contribution to the total identity was made by the parameter of external evaluation; the second one was identified for Yekaterinburg, Vladivostok and Tomsk, where the greatest contribution to the total identity was made by the «External evaluation» and «General attachment» subscales; and the third one – for Barnaul and Petropavlovsk-Kamchatsky, where the largest contribution to the total identity was made by the parameters of «General attachment», «Continuity with personal past» and «Perception of familiarity». The M. Lalli questionnaire's subscale of «Commitment», reflecting the desire of respondents to link their future with the city where they live, contributed very little to the integral index of urban-related identity in all the cities involved in the study.

Comparison of the questionnaire subscales depending on the residence time showed that the largest dispersion of the commitment parameter was observed in the range of 6-10 years of residence in the city; this may indicate a subjectively experienced crisis of identity with the city in the respondents. In addition, with increasing the residence time up to 20 years or more, these values significantly reduced.

Conclusions were made as follows: 1) young people from all the cities involved in the study perceive their cities based on either external attractiveness or emotional-utilitarian attitudes, i.e. senses of familiarity, affinity and safety. Meanwhile, the ideas of urban development and planning one's future as closely related with the city of residence are not important bases for identification with the city; 2) the residence time in the city within the range of 6-10 years is critical for the subjective experience of identity with the city, i.e. respondents living in the city for more than 10 years to a lesser degree expect that future changes in the city will have a positive impact on their lives and are less certain about associating their plans for the future with this city.

Keywords

Urban-related identity; place-related identity; environmental identity; urban environment; safety; youth; commitment; values.

REFERENCES

1. Bernardo F., Palma-Oliveira J-M. Urban neighbourhoods and intergroup relations: The importance of place identity. *Journal of Environmental Psychology*. 2016, vol. 45, pp. 239–251. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.01.010>
2. Breakwell G. M. Social representations and social identity. *Papers on Social Representations*. 1993, vol. 2 (1), pp. 44–47.
3. Chapin F. S., Knapp C. N. Sense of place: A process for identifying and negotiating potentially contested visions of sustainability. *Environmental Science and Policy*. 2015, vol. 53, pp. 38–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsci.2015.04.012>
4. Gatersleben B. C. M., Murtagh N., Abrahamse W. Values, identity and pro-environmental behavior. *Contemporary Social Science: Journal of the Academy of Social Sciences*. 2014, vol. 9, pp. 374–392. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/21582041.2012.682086>
5. Kashima Y., Paladino A., Margetts E. A. Environmentalist identity and environmental striving. *Journal of Environmental Psychology*. 2014, vol. 38, pp. 64–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2013.12.014>
6. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*. 1992, vol. 12 (4), pp. 285–303. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7)

7. Larson S., De Freitas D. M., Hicks C. C. Sense of place as a determinant of people's attitudes towards the environment: Implications for natural resources management and planning in the Great Barrier Reef, Australia. *Journal of Environmental Management*. 2013, vol. 117, pp. 226–234. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvman.2012.11.035>
8. Lewicka M. Place attachment: How far have we come in the last 40 years? *Journal of Environmental Psychology*. 2011, vol. 31, pp. 207–230. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.10.001>
9. Montgomery J. Making a City: Urbanity, Vitality and Urban Design. *Journal of Urban Design*. 1998, vol. 3 (1), pp. 93–116. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13574809808724418>
10. Steg L., Bolderdijk J. W., Keizer, K., Perlaviciute G. An Integrated Framework for Encouraging Pro-environmental Behaviour: The role of values, situational factors and goals. *Journal of Environmental Psychology*. 2014, vol. 38, pp. 104–115. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.01.002>
11. Ujanga N., Zakariya K. The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration. *Procedia – social and behavioral sciences*. 2015, vol. 170, pp. 709–717. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.073>
12. Valera S., Guardia J. Urban social identity and sustainability. Barcelona's olympic village. *Environment and behavior*. 2002, vol. 34, pp. 81–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0013916502034001004>
13. Van der Werff E., Steg L., Keizer K. E. The value of environmental self-identity: the relationship between biospheric values, environmental self-identity and environmental preferences, intentions and behavior. *Journal of Environmental Psychology*. 2013, vol. 34, pp. 55–63. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2012.12.006>
14. Andreeva G. M. Towards the problem of identity crisis amid the social transformations. *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 2011, no. 6 (20), p. 1. (In Russian)
15. Bauman Z. *The Individualized Society*. Moscow, Logos Publ., 2005, 390 p. (In Russian)
16. Belinskaya E. P. The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it? *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 2015, vol. 8, no. 40, p. 12. (In Russian).
17. Kuveneva T. N., Manakov A. G. Formation of Spatial Identities in the Border Region. *Sociological Studies*. 2003, no. 7, pp. 77–84. (In Russian)
18. Luk'yanov O. V. *The problem of identity formation in the era of social change*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2008, 212 p. (In Russian)
19. Muravyova O. I., Litvina S. A., Bogomaz S. A. Environmental Identity: the Concept Content. *Siberian journal of psychology*. 2015, no. 58, pp. 136–148. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/17267080/58/10>
20. Nazaretyan A. P. *The anthropology of violence and the culture of self-organization: Essays on the evolutionary and historical psychology*. Moscow, LENAND Publ., 2015, 256 p. (In Russian)
21. Pirogov S. V. City as the Phenomenon of Culture: Cognitive Approach. *Tomsk State University – Journal of Cultural Studies and Art History*. 2011, no. 2, pp. 31–37. (In Russian)
22. Tokarev A. S. National-State Identity as a Component of the State Sovereignty. *Socio-Political Sciences*. 2012, no. 1, pp. 78–80. (In Russian)
23. Fedosova E. V. Confessional Identity and Religious Attitudes of Young People of North Ossetia: View of a Sociologist. *Izvestiya SOIGSI*. 2013, vol. 9 (48), pp. 86–91. (In Russian)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).